

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ ДЕТСТВА В РУССКОЙ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ «ДЕТСКОГО ВЗГЛЯДА» НА МИР

К.А. Выборнова

Литературный институт имени А.М. Горького
Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104

В статье проводится краткий анализ произведений мемуарной прозы, повествующих о детстве. Выявляется, какие стилистические средства (словесные ряды, смена рассказчика, несобственно-прямая речь) используются писателями для создания достоверного образа ребенка и передачи «детского взгляда» на мир.

Ключевые слова: мемуарная проза, образ ребенка, детский взгляд на мир, Бунин, Гарин-Михайловский, Аксаков, Толстой.

Говоря о стилистических средствах создания образа ребенка в «Детских годах Багрова-внука» С.Т. Аксакова, следует заметить, что рассказчики (маленький Сережа и Багров-старший) редко «отделены» друг от друга, просто в тот или иной момент один из них «выходит вперед», но второй при этом окончательно не исчезает.

Усиливает впечатление присутствия взрослого наблюдателя и постоянное употребление Аксаковым прошедшего времени, и слова «помню», «помнится» и т.д., а также риторические восклицания вроде «можно представить, какое впечатление это событие оказало на детскую душу!».

Главный герой у Аксакова обладает обгоняющей возраст умственной зрелостью, даже рассудительностью. Он не только живет впечатлениями, но делает эти впечатления предметом анализа, рефлексии, находя им соответствующие толкования. Когда же маленькому Сереже это не удастся, на помощь приходит Багров-взрослый и объясняет ситуацию со своей, уже зрелой точки зрения. Вообще такое «сочетание патриархальной статики и... динамики станет своеобразной доминантой художественного мира Аксакова» [11. С. 126].

Повествование «Детских годов Багрова-внука» проходит в постоянном прошедшем времени, не переходящем в настоящее даже в самых напряженных ситуациях вроде опасной болезни матери, из-за чего заранее предугадывается бла-

гополучный исход этой болезни. Длина и сложность предложений при смене рассказчика практически не подвергаются изменению. Впрочем, в редких случаях предложения если не становятся короче, то по крайней мере делаются проще по структуре. В качестве примера можно привести размышления Сережи, узнавшего, что его дедушка умирает:

Я думал, что когда умрет дедушка, то и бабушка, верно, умрет, потому что она старая и седая. Тогда мы тетушку Татьяну Степановну увезем в Уфу, и будет она жить у нас в пустой детской; а если бабушка не умрет, то и ее увезем, перенесем дом из Багрова в Сергеевку, поставим его над самым озером и станем там летом жить и удить вместе с тетушкой... [1. С. 332].

Размышления, которые к тому же предваряются фразой «разумеется, думалось все это по-детски», действительно напоминают торопливую сбивчивую речь маленького ребенка, мысль которого быстро «перескакивает» с непонятных и страшных вещей, таких, как смерть дедушки и бабушки, на более радостные и привычные ему темы: «станем там летом жить и удить вместе с тетушкой» [1. С. 332].

Стилистических средств выражения «детского взгляда» на мир в повести «Детство» Л.Н. Толстого не так много, как можно было ожидать из-за характерного для стиля Толстого стремления раскрыть «диалектику души» (Н.Г. Чернышевский). «Все дело у него в сцеплениях подробностей, как бы незначительных и обнаруживающих свою действительную силу в определенных узловых пунктах» [6. С. 190]. Герой Толстого, подобно герою «Исповеди» Руссо «не знает границ ни в уважении к самому себе, ни в критике самого себя» [4. С. 82].

Несмотря на это, в «Детстве» можно обнаружить словесные ряды, выражающие «детский взгляд» на мир: к примеру, взрослых Николенька называет «большими», про себя говорит, что «стал натягивать ботинки на свои *маленькие* ноги». Динамичность и нетерпеливость ребенка показывает обилие в некоторых эпизодах (например, в главе, где отец берет детей с собой на охоту) глаголов действия: «с визгом и топотом побежали», «забежал», «бросились», «опрометью бросился бежать» и т.д. Тогда же, когда рассказ идет от лица Николеньки, характерные для Толстого длинные сложные предложения сменяются более короткими, простыми, соответствующими детской речи и детским мыслям: «Когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидеть не за диалогами, а с теми, кого я люблю?» [12. С. 5].

Возможно, мысли Николеньки чаще всего написаны не в виде несобственно-прямой речи, а приводятся в кавычках именно из-за того, что составляют резкий контраст с обычным стилем Толстого.

Возвращаясь к образу рассказчика, отметим, что в «Детстве» Иртеньев-взрослый чаще всего не сливается с Иртеньевым-ребенком, вплоть до того, что все их мысли четко разделяются. Например, размышления и впечатления Николеньки чаще всего берутся в кавычки, как прямая речь:

Как мне памятен этот угол! Помню заслонку в печи, отдушник в этой заслонке и шум, который он производил, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, сто-

ишь в углу... и думаешь: *«Забыл про меня Карл Иванович: ему, должно быть, покойно сидеть на мягком кресле и читать свою гидростатику, — а каково мне?»* [12. С. 4].

Видно, что в этом эпизоде все, кроме мыслей самого Николеньки, не непосредственное восприятие мира ребенком, а только воспоминания («Как мне памятен этот угол!»). Об этом же говорит и тот факт, что Толстой практически не употребляет в «Детстве» настоящее время — повествование идет во времени прошедшем и часто, как в приведенном выше эпизоде, предваряется словами «бывало» и «помнится».

Случаи, когда Иртеньев-взрослый и Иртеньев-ребенок сливаются и возникает своего рода несобственно-прямая речь, гораздо более редки. Здесь в качестве примера можно привести отрывок из главы «Юродивый»:

Что за несносная особа была эта Мими! При ней, бывало, ни о чем нельзя было говорить: она все находила неприличным. Сверх того, она беспрестанно приставала: *«Parlez donc francais»*, а тут-то, как назло так и хочется болтать по-русски; или за обедом — только что войдешь во вкус какого-нибудь кушанья и желаешь, чтобы никто не мешал, уж она непременно: *«Mangez donc avec du pain»*... [12. С. 13].

Как видно из этого эпизода, речь Иртеньева-взрослого плавно переходит без всяких кавычек в более живые, экспрессивные и содержащие элементы разговорной речи мысли Николеньки («что за несносная особа», «она беспрестанно приставала», «а тут-то, как назло, так и хочется болтать по-русски», «уж она непременно»).

Бунинский роман «Жизнь Арсеньева», в частности первая его часть, где повествуется о детских годах Алеши Арсеньева, стилистически своеобразен, хотя в нем присутствуют та же отрывочность, фрагментарность, те же «перемещения во времени», которые характерны для мемуарной прозы.

Бунин создает непрерывно льющийся «поток сознания», и этим определяется стилистика текста романа: обилие сложных предложений, длинные периоды, множество риторических вопросов, восклицаний, и, как следствие, восклицательных, вопросительных знаков и многоточий. В части, касающейся детских лет Арсеньева, преобладают не действия, а описания. Практически отсутствуют прямая речь и диалоги — сам текст по сути своей является непрерывным монологом рассказчика.

В первой части «Жизни Арсеньева» Бунин никак не пытается стилистически имитировать детскую речь, используя короткие слова, характерное словообразование или простые предложения. Бунин не проживает вместе со своим героем все события его жизни именно в момент их описания и делает это сознательно — он не позволяет читателю забыть, что все случившееся — и радостное и грустное — воспоминания. Эти воспоминания Бунин каждый раз по-новому оценивает и комментирует уже с точки зрения Арсеньева-взрослого. Об этом свидетельствует и постоянное использование форм прошедшего времени, и слова «помню», «помнится», зачастую начинающие абзац или предложение.

Моменты, когда Бунин именно полностью «вживается» в своего героя и начинает писать от имени ребенка, довольно редки, и высказывания, указывающие

на то, что перед нами маленький мальчик, появляются в тексте спорадически, например, когда Алеша с родителями отправляется «в ту заповедную страну, которая называлась городом». Чаще же всего Бунин показывает «детскость» своего героя с помощью описаний соответствующих эпизодов, в которых выявляются еще нехитрые интересы и стремления Алеши. Примером может служить описание чувств мальчика по возвращении из «заповедной страны» города:

Дома, лежа в своей кровати, я истинно замирал от счастья, что возле нее стоят мои новые сапожки, а под подушкой спрятана плеточка. И заветная звезда глядела с высоты в окно и говорила: вот теперь уже все хорошо, лучшего в мире нет и не надо! [3. С. 8].

Наверное, каждому человеку известно, что в детстве чья-нибудь обычная для взрослых бытовая фраза может надолго врезаться в память, какое-то слово, услышанное впервые, может показаться наполненным иным, таинственным значением, а какие-то действия взрослых — странными или обидными. «В автобиографических повестях о детстве слово выступает как объект индивидуальной или эмоциональной эстетической оценки, которая базируется на детских впечатлениях и определяется не столько предметно-логическим содержанием слова, сколько его коннотациями или звуковой формой...» — пишет об этой особенности детского восприятия Н.А. Николина [10. С. 89]. У Бунина подобное присутствует в изобилии: это и «навски запомнившаяся фраза» кучера «В аккурат сапожки!», и «...какой-то зимний вечер с ужасным и очаровательным снежным ураганом за стенами, — ужасным потому, что все говорили, что это всегда так бывает „на Сорок Мучеников“» [3. С. 10], и старик Данила, «ласковый леший с сивыми кудрями», который «...однажды взял прямо своими черными негнушимися пальцами кусок текущего, тающего янтарного сота и положил мне в рот...» [3. С. 13] — и это незначительное событие навеки запомнилось Алеше и более того почему-то оскорбило его...

«Жизнь Арсеньева» вообще и часть, посвященная детским годам Алексея, в частности, изобилует риторическими вопросами и восклицаниями. Само появление этих вопросов и восклицаний в тексте является неизменным признаком смены рассказчика с Арсеньева-ребенка на Арсеньева-взрослого. Показателен эпизод, когда Алеша с сестрой, подражая своему другу-подпаску, приносят с собой и едят лук, редис, «маленькие, шершавые и бугристые огурчики». Бунин создает картину, полную детской радости и безмятежности, когда «все чувства живут и действуют на пределе возможностей. Зрение, вкус, обоняние, осязание — все извлекает свое наслаждение, переживает счастье бытия» [2. С. 32]. Риторический вопрос Арсеньева-старшего не призван сменить идиллический настрой далекого времени детских игр: «Зачем нам было это: разве голодны мы были?» Именно этот вопрос усиливает важный для Бунина-художника лирико-ностальгический план повествования.

Риторические вопросы («О чем скорбела она?» «А меж тем, на что мне она была?» «Но кто знает? Не рождаемся ли мы вообще с чувством смерти?» «Где я рос, что видел?»), а также риторические восклицания («Какая благословенная пустыньность!» «Что мы вообще знаем!» «Золотое, счастливое время!» «Ах, ка-

кая томящая красота!») не только свидетельствуют о появлении старшего рассказчика, но и открывают его взгляд на окружающий мир — мир загадочный, непостижимый, где все сиюминутное в детстве приобретает с возрастом бытийный смысл.

Последнее рассматриваемое нами произведение — повесть Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Тёмы», написанная на границе XIX и XX вв., когда жанр мемуарной прозы уже в основном устоялся. Стилистические приемы повести весьма разнообразны. Писатель уделяет большое внимание проработке манеры выражения внутреннего мира каждого героя. Облегчает поставленную перед собой писателем задачу то, что «Детство Тёмы» написано от третьего лица, поэтому речь других людей не пересказывается главным героем, а передается читателю, так сказать, напрямую.

В эмоционально-экспрессивной манере написан рассказ отца Тёмы о сражениях его молодости: он состоит в основном из неполных восклицательных предложений и междометий, благодаря чему читатель в какой-то степени даже может себе представить жесты и мимику взволнованного воспоминаниями рассказчика. Гарин-Михайловский приводит практически не олитературенную прямую речь, что позволяет ему добиться большой живости и наглядности изложения.

— Ну-с, так вот... Тронулись мы... Собрал я своего Черта и стал выпускать понемногу... Стали забирать кони... Марш-марш, в карьер!.. И-ить!.. «Вперед!!» Ни с места! Так секунда... Назад?! Серая шинель?! Позор?! А мои уж поворачивают коней... «Ребята, что ж вы?!» И не смотрят. Э-эх!.. За сердце схватило!.. «Па-а-длецы!» Да как звачу меж ушей своего Черта... [5. С. 70]

Гарин-Михайловский старается достоверно передавать не только прямую речь героев, но и их мысли, из-за чего в «Детстве Тёмы» обнаруживается обилие несобственно-прямой речи. Автор дает возможность читателю смотреть на мир не только глазами Тёмы, но и его матери, отца и даже немецкой гувернантки, что позволяет писателю избежать пристрастности и дидактизма в аргументации поступков и ребенка, и взрослых и показать, какие резоны и взгляды на происходящее есть у других людей. Приведем несколько примеров (несобственно-прямая речь выделена курсивом):

Она (гувернантка — *К.В.*) чувствует, что мадам недовольна, но ее совесть чиста. *Она не виновата; фрейлейн Зина свидетельница, что с мальчиком нельзя было справиться...*

Оставшись одна, она (мать Тёмы — *К.В.*) тоже подходит к окну, смотрит и не видит темнеющую улицу. Мысли роем носятся в ее голове.

Пусть Тёма так и лежит, пусть придет в себя, надо его теперь совершенно предоставить себе... [5. С. 13].

Несобственно-прямая речь служит основным стилистическим приемом и для создания образа маленького Тёмы. При этом если повествование переходит к маленькому Тёме, меняется стиль изложения: прошедшее время уступает место настоящему («герр Готлиб говорит») и даже будущему («папа бросит чай и... пойдет в сад»). В будущем времени передаются мечты Тёмы. Язык соответственно упрощается, исчезают сложно выстроенные предложения, уступая место перечислениям. В начале повести, когда Тёма еще совсем мал, все повествование да-

но в настоящем времени, а ближе к концу все больше появляется времени прошедшего, даже в несобственно-прямой речи героев. Возможно, это связано с тем, что автору известны психологические особенности возраста и он дает возможность читателю увидеть эту внутреннюю динамику детства: маленький ребенок воспринимает жизнь как череду эпизодов, но чем старше он становится, тем больше начинает вспоминать, анализировать и рассуждать. В отличие от других рассмотренных нами произведений мемуарной прозы, в повести как таковой отсутствует образ повзрослевшего героя, вспоминающего все произошедшее с высоты прожитых лет. Об этом явно свидетельствует изложение от третьего лица и упомянутая уже нами манера автора приводить не только мысли Тёмы, но и второстепенных персонажей.

В заключение стоит заметить, что наличие стилистических средств создания образа ребенка зависит не столько от времени, в которое творил тот или иной писатель, сколько от его индивидуального стиля, хотя в целом к началу XX в. можно наблюдать более четкое отделение рассказчика-взрослого и рассказчика-ребенка друг от друга.

Что касается синтаксиса, то явно заметно его изменение и упрощение, когда автор начинает писать от лица рассказчика-ребенка. Появляется больше простых и коротких предложений, уменьшается количество причастных и деепричастных оборотов и вставных конструкций. Начинает главенствовать эмоционально-экспрессивная лексика, появляется обилие восклицательных знаков. Также используются собственно словесные ряды, которые тем или иным образом показывают, что читатель смотрит на мир глазами ребенка. Когда повествование ведет рассказчик-ребенок, в тексте преобладают повествование и описание, а когда рассказчик-взрослый, появляется больше рассуждений. И последней яркой чертой, которая в той или иной мере присутствует во всех четырех рассмотренных нами произведениях, является частое использование рассказчиком-ребенком настоящего времени, тогда как рассказчик-взрослый использует только время прошедшее.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений в 5 т. — Т. 1: Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука. — М.: Правда, 1966.
- [2] *Афанастева Т.М.* Толстой и детство. — М., 1978.
- [3] *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. — М.: Эксмо, 2007.
- [4] *Бурсов Б.И.* Лев Толстой. Идеи и творческий метод. — М., 1960.
- [5] *Гарин-Михайловский Н.Г.* Детство Тёмы. Гимназисты. Студенты. Инженеры. В 2 томах. — М., 1972.
- [6] *Громов П.П.* О стиле Льва Толстого. — Л., 1971.
- [7] Детские годы. Повести русских писателей. — М., 2004.
- [8] *Колядич Т.М.* Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. — М., 1998.
- [10] *Николина Н.А.* Поэтика русской автобиографической прозы: Уч. пособие. — М., 2002.
- [11] *Савина Л.Н.* Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»). — Волгоград, 2002.
- [12] *Толстой Л.Н.* Детство. Отрочество. Юность. — М., 2008.

**THE THEME OF CHILDHOOD IN THE RUSSIAN MEMOIR:
FIGURES OF SPEECH USED TO REVEAL
«A CHILD'S WORLDVIEW»**

K.A. Vybornova

dept. of classical Russian literature and Slavic
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
Tverskoy Boulevard, 25, Moscow, Russia, 123104

The article provides a brief analysis of several memoirs touching upon childhood. It explores figures of speech (coordinative word-combination, turn-taking), experienced speech used by authors to portray a child faithfully and show peculiarities of «a child's world view».

Key words: memoirs prose, an image of the child, a children's sight at the world, Bunin, Garin Mihajlovsky, Aksakov, Tolstoy.